

от 26 НОЯ. 40. 6.

Адам Мицкевич

Восемьдесят пять лет назад—26 ноября 1855 года—умер величайший польский поэт Адам Мицкевич.

... он вдохновен был свыше
И свысока взирал на жизнь...

Так писал о своем польском друге Пушкин. Трагичной оказалась жизнь поэта. Патриот своего народа, он познал всю горечь изгнания, разлуки с родной землей. Поэт-романтик, с высоты взиравший на жизнь, он перенес жестокие удары судьбы и зачастую попадал в самые противоположные лагеря. Но теперь, когда борьба идей и социальных сил первой половины прошлого века, в которой активно участвовал Мицкевич, стала достоянием истории, нетрудно определить основную, ведущую линию жизни и творчества поэта. Пушкин вспоминал, что Мицкевич во время своего пребывания в России «... говорил о временах прядущих, когда народы, распри позабыв, в великую семью соединятся».

Интернациональные мотивы поэзии Мицкевича делают ее близкой и дорогой народам Советского Союза. Самое имя Адама Мицкевича остается навсегда связанным с именами крупнейших русских поэтов и прогрессивных деятелей прошлого века. Было время, когда в эмиграции враждебно настроенные против России поляки упрекали Мицкевича чуть ли не в измене за его дружбу с русскими. Но поэт не менял своего отношения к народной России и к борцам за ее освобождение. В переведенном А. Виноградовым стихотворении «Друзьям в России» поэт с болью вспоминает декабристов:

Рылеев, которого братски я принял
в объятья,
Жестокою казнью казнен
по цареву велению.
Бестужев, который как друг
мне протягивал руку,
Тот воин, которому жребий поэта
дарован.
В сибирский рудник, обреченный
на долгую муку
С поляками вместе, он сослан
и к тажке прикован.

Мицкевич всегда отличал Россию царскую от России народной. Против

царской России он вел борьбу и с оружием в руках, и пером. Россию народную он любил. Своё стихотворение «Смотр войска» поэт заканчивает словами, полными сочувствия русскому народу:

Несчастный народ! Как мне жаль
твоей доли!

Знакомо тебе лишь героизм неволи!
Негодованием, глубоким презрением
встречал Мицкевич предателей:

Продав свою вольную душу
за царскую милость,
Поклон за поклоном у царского бьет
он дорога.

Продажную речью он царские
славит успехи,
В угоду царю, проклинаяемый,
в нашей отчизне,
Быть может, он вновь проливает
кровавые реки
И хвалится мукой друзей, уходящих
из жизни.

С неизменной любовью и уважением относился Мицкевич к Пушкину. Сейчас совершенно очевидны ошибки некоторых исследователей, утверждавших когда-то, что Мицкевич изменил свое отношение к Пушкину. Он до конца дней своих сохранил добрые чувства к русским друзьям, в частности к Пушкину. Когда до Мицкевича дошло горестное известие о гибели великого русского поэта, он опубликовал в «Le Globe» посвященную его памяти статью. И как характерно, что эту свою статью Мицкевич подписал: «L'ami de Pouschkine»—«Друг Пушкина»!

Русские друзья Мицкевича, понимая, что негодование поэта направлено только против поработителей его и их родины, относились к нему тепло и заботливо. Когда он был в нужде, в 1840 году, передовые русские писатели, имена которых были выравнены на подаренном Мицкевичу в 1828 году кубке, собрали пять тысяч рублей и вручили их Мицкевичу. Герцен рассказывает, как на обеде в честь Грановского в 1843 году, когда уже запрещено было в России называть имя Мицкевича, был предложен тост «за великого отсутствующего славянского поэта». Все

поняли, что речь идет о Мицкевиче, почтительно встали, подняли бокалы и молча выпили за здоровье изгнанника.

Огромное влияние на Мицкевича оказало пребывание в России в конце 20-х годов. Он воочию увидел, какое разлагающее действие на массы производит деспотизм царя, «как бог, сильного, как сатана, злого».

Весьма вероятно, что именно это безграничное могущество внушило ему мысль о допустимости всех средств, ведущих к цели в борьбе с таким врагом. Идею эту он проводит в написанном в России «Конраде Валленроде». Конрад—литовец, он до самозабвения предан родине. Для того, чтобы отомстить крестоносцам за все обиды и унижения родины, Конрад притворно переходит на сторону врага, жертвуя и собою, и счастьем любимой женщины. Целые годы он показывает своей деятельностью преданность и, добившись руководящей роли магистра ордена, в самый критический момент губит руководимых им. Только благодаря близорукости царской цензуры, слишком поздно понявшей смысл этого произведения, Мицкевичу удалось ускользнуть от преследования. Когда царские сатрапы спохватились, Мицкевич был уже за границей, за пределами досягаемости.

В России, во время путешествия осенью 1825 года, были созданы «Крымские сонеты» Мицкевича. Поэт издал свою книгу сонетов в Москве в 1826 году, и они оказались в числе популярнейших в России его произведений. «Сонеты» переводили на русский и Вяземский, и Бенедиктов, и Лермонтов, и Майков, и многие другие. Столь же распространенными стали русские переводы баллад и романсов Мицкевича. «Будрыс и его сыновья» и «Воевода» переведены на русский язык Пушкиным.

Однако своей лирике, сонетам, балладам и романсам Мицкевич впоследствии не придавал большого значения. Его захватила политическая борьба, отражение которой мы находим в знаменитом произведении «Деды» или «Поминки».

Поэма, основанная на народных преданиях и легендах, «Деды» является огромным художественным полотном.

Идея поэмы заключена в картине, изображающей чуть не покончившего самоубийством из-за несчастной любви узника Густава в тот момент, когда он чертит на стене слова: «Умер Густав,—здесь родился Конрад».

Умер тот, в ком личное перевешивало общественное, родился Конрад, жертвующий личным ради общественного. Мицкевич рассказывает здесь о своем собственном перерождении. В этом отношении «Деды» имеют огромное значение. Социальные ноты звучат в них очень сильно. В день «поминков» появляются духи умерших, в том числе дух помещика, терзаемого совестью, филинами, коршунами. В птиц воплотились души бывших слуг помещика. Они напоминают ему о его преступлениях—о том, как он избил кнутом голодного крестьянина, как выгнал на мороз женщину с ребенком и т. д.

Первая часть «Дедов» несколько искусственно связана с другими частями, в которых автор пытался изобразить «всю историю мученичества Польши». Герой «Дедов» Конрад обращается в «импровизации» к богу со словами протеста: «Я люблю весь народ. Я обнял все минувшие и будущие его поколения, прижал их к груди, как друг, любовник, супруг и брат. Хочу поднять их, ослепивших, хочу весь мир им уделить! И не могу... И я пришел узнать, пришел, вооруженный всей властью мысли, той мысли, которая вырвала твои громы у небес, проследила движение твоих планет, раскрыла глубину моря,—пришел требовать: хочу управлять чувством, которое во мне...»

Конрад бросает вызов богу, он грозит ему более жестоким боем, чем вел с ним сатана. Конрад знает, что за ним народ, что: «Я и отчизна—это одно. Имя мое: «Миллион», так как за миллионы я люблю и испытываю муки». Не получая ответа, Конрад грозит, что голос его будет переходить из поколения в поколение: «крикну, что ты не отец вселенной, а пап!»

Ненависть Мицкевича к гнету отнюдь не ограничивается гнетом царского самодержавия. В писателе почти одновременно с «Паном Талеушем» «Книге польского народа и его скитаний» поэт формулирует социальные идеалы, за которые он борется. Он говорит: «Все родные братья, и только

тот, кто служит другим и жертвует собой ради других, может быть возвышен над другими». Интернациональные идеи Мицкевича получают вполне отчетливое выражение: «Все, что наше,—то отечества, все, что нашего отечества,—то всех свободных народов». «Враг свободы тот, кто заботится об интересах только одного народа».

В 1848 году Мицкевич становится редактором радикально-демократической газеты французских социалистов-утопистов того времени «Tribune des Peuples»—«Трибуна народов». Здесь поэт объявляет войну базирующейся на гнету и насилии старой системе управления, требует свободы слова, печати и собраний, отстаивает необходимость введения всеобщего избирательного права и равноправия женщин.

В газетной статье под заголовком «Социализм» Мицкевич излагает свою программу. Убежденный в том, что существующие буржуазные понятия собственности, семьи и морали столь же ненавистны, как и самый могущественный из институтов прошлого—королевская власть, он рекомендует прислушиваться к низам, где уже начинается новое.

Это было время, когда французская буржуазия пыталась строить так называемые рабочие дома, чтобы легче воздействовать на закабаленных пролетариев. «Если рабочие,—писал по этому поводу Мицкевич,—позволят увлечь себя этим, если они удовольствуются достигнутым этим путем улучшением своего положения и отойдут от общего дела пролетариата, то они станут похожими на тех оппозиционеров, которые, сделавшись сановниками, отказываются от чувств, благодаря которым они достигли этого высокого положения».

Отвечая критикам, обвинявшим тогдашних социалистов за их мнимое стремление уничтожить национальности, поэт заявляет: «Когда пробьет час возрождения и свободы каждого народа, тогда все народы станут в ряд и создадут святой союз народов».

От этих общественных взглядов Мицкевич не отступал даже в то время, когда находился под влиянием мистика в сектанта Андрея Товянского.

Увлекаемый неудержимой силой воспоминаний о родном крае, Мицкевич

снова и снова обращается к давно задуманной им поэме «Пан Талеуш»—лучшему созданию своего гения. Природа, люди, их любовь и ссоры, охоты и битвы изображены в поэме подлинно эпически. Каждая нарисованная поэтом картина настолько правдива, что невольно любишься уже отошедшей в прошлое жизнью. В этой жизни автор относится с любовью, как к дорогому воспоминанию детства, хотя сам с тонкой иронией подчеркивает, что все это уже былым заросло.

«Пан Талеуш» был последним поэтическим произведением Мицкевича. Политическая борьба отрывала его от литературы. Он так непосредственно реагировал на происходившие события, что и польская эмиграция, и французские власти одинаково готовы были заткнуть ему рот.

Восстание галицийских крестьян, вспыхнувшее в 1846 году, вызвало возмущение Мицкевича. Он заявил, что паны давно заслужили такую кару.

Пана предаст анафеме его книга. Но вот в Италии начинается освободительная война. Мицкевич организует в помощь Италии польские легионы. Пале поневоле приходится «осчастливить» аудиенцией ранее проклятого поэта. Но Мицкевич прямо сказал отцу церкви: «Знай, что дух божий в блузах парижского люда».

Не по душе был Мицкевич и парижские власти. Его изгнали из Collège de France, где он с 1840 года вел кафедру славянских литератур. А в 1849 году прекратился выход «Трибуны народов».

Всю жизнь Мицкевичу приходилось испытывать гнет цензуры и в России, и в эмиграции. Но и после смерти произведения поэта кромсались и царской цензурой, и цензурой панов Тарновских, профессоров Ягеллонской академии в Кракове. Они буквально уничтожали экземпляры «Трибуны народов» со статьями Мицкевича, боясь, как бы эти статьи не попали в руки польского читателя, в особенности из «простонародья».

Великий польский поэт мечтал, чтобы его творения дошли до народа. Эту мечту поэта осуществляет советская власть.

Феликс КОН.